

«Финогенов и другие против России»: защита права на жизнь на грани мира и войны. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2011 года¹

Катерина Дронова*

Через десять лет после трагических событий в театральном центре на Дубровке Европейский Суд по правам человека удовлетворил жалобу пострадавших и родственников погибших во время теракта. Суд оценил правомерность действий российских сил безопасности, применив новый подход к анализу фактических обстоятельств дела, при котором степень взыскательности контроля со стороны Суда зависит от характера стадии операции по спасению заложников. Решение Суда поднимает вопрос о приемлемом стандарте проведения антитеррористических операций с учетом обязательства государства снизить потери в максимально возможной степени.

→ *Европейский Суд по правам человека, право на жизнь, применение силы, терроризм, абсолютная необходимость, планирование операции*

Ten years after the tragic events in the Dubrovka theater the European Court of Human Rights upheld the complaint, filed by hostages and relatives of those gone during the siege. The Court reviewed the legality of security forces' actions on the different stages of the rescue operation with the increasing scrutiny, suggesting a new mode of dynamic analysis. The case raises questions concerning the reasonable conduct of counter-terrorism operations in compliance with state's obligation to minimize casualties to the greatest possible extent.

→ *European Court of Human Rights, right to life, use of force, terrorism, absolute necessity, planning of the operation*

Введение

В постановлении по делу «Финогенов и другие против России» Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд; Суд) практически полностью удовлетворил жалобы потерпевших и родственников

погибших жертв теракта в театральном центре в Москве. Предметом рассмотрения стали действия российских властей по проведению спасательной операции во время захвата театра чеченскими террористами. Суд признал, что решение о применении силы было оправдано, однако, последующие этапы опе-

* Дронова Катерина Сергеевна — магистр права прав человека Центрально-европейского университета (г. Будапешт, Венгрия) (e-mail: dk_kate_dronova@yahoo.com).

¹ European Court of Human Rights (далее — ECtHR). *Finogenov and Others v. Russia*. Application No. 18299/03 and 27311/03. Judgment of 20 December 2011.

рации по спасению заложников были спланированы и проведены ненадлежащим образом. Несмотря на то, что обстоятельства дела весьма специфичны, данное решение, вероятно, станет одним из ведущих прецедентов в толковании позитивных обязательств государства по статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция).

В своем решении Суд установил нарушение как материальных (недопустимость причинения смерти), так и процессуальных (проведение адекватного расследования обстоятельств причинения смерти) обязательств государства по защите права на жизнь. В настоящем комментарии основное внимание сосредоточено на решении Европейского Суда относительно материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции, так как, на наш взгляд, речь идет о формировании более гибких стандартов, применимых к оценке действия спецслужб в чрезвычайных ситуациях.

Европейский Суд применил особый подход к оценке спасательной операции, повышая уровень тщательности анализа фактических обстоятельств и взыскательности контроля над действиями властей от одного этапа операции к другому в зависимости от способности последних установить контроль над ситуацией. При решении вопроса о правомерности действий спецслужб на ранней стадии штурма Суд применил принципы, позаимствованные из области гуманитарного права. При этом Российская Федерация не являлась стороной вооруженного конфликта и не заявляла о частичном ограничении права на жизнь согласно требованиям Конвенции. Такая тенденция взаимодействия права Конвенции и международного гуманитарного права, выраженная в более ранних решениях², вносит определённую неясность, в частности — относительно обязательств государства по защите права на жизнь не только заложников, но и захватчиков. Несмотря на то, что Европейский Суд непосредственно не обратился к этим проблемам в анализируемом постановлении, последнее, на наш взгляд, может повлиять на интерпретацию таких обязательств в дальнейшей судебной практике.

Краткое изложение фактов дела

Дело было инициировано двумя жалобами. Первая жалоба (№ 18299/03) была подана Павлом Алексеевичем Финогеновым и шестью другими заявителями, вторая (№ 27311/03) — Зоей Павловной Чернецовой и пятьюдесятью шестью другими заявителями.

Все 64 заявителя являлись лицами или родственниками лиц, которые были захвачены в качестве заложников группой террористов, принадлежащих к чеченскому сепаратистскому движению³, в здании дома культуры на Дубровке (*далее* — театральный центр на Дубровке) 23 октября 2002 года. В течение трех дней террористы, вооруженные огнестрельным автоматическим оружием и взрывчаткой, удерживали более 900 заложников в зале театра под угрозой применения оружия. Здание было заминировано, восемнадцать террористов-смертников были расположены среди заложников, в то время когда другая группа захватчиков заняла административные помещения театра.

Террористы требовали вывода российских войск из Чеченской Республики и прямых переговоров между лидерами сепаратистского движения и представителями федеральных органов власти. Во время переговоров несколько человек были освобождены, захватчики приняли пищу и питьевую воду для заложников, продолжая настаивать на своих требованиях. Несколько заложников были убиты террористами, однако невозможно установить, было ли это показательной казнью или убийством за оказание сопротивления.

Под командованием Федеральной службы безопасности (*далее* — ФСБ) был создан оперативный штаб для проведения переговоров и освобождения заложников. ФСБ в режиме абсолютной секретности разработала план спасательной операции, а оперативный штаб провел подготовку массовой эвакуации пострадавших и предоставления им медицинской помощи.

Российские власти сочли, что в данной ситуации существовала реальная угроза массового убийства заложников террористами, и было принято решение штурмовать здание.

² См.: ECtHR. *Isayeva v. Russia*. Application No. 57950/00. Judgment of 24 February 2005; ECtHR. *Abuyeva and Others v. Russia*. Application No. 27065/05. Judgment of 2 December 2010; ECtHR. *Georgia v. Russia (№ 2)*. Application No. 38263/08. Judgment of 13 December 2011.

³ Группа насчитывала более 40 человек.

Утром 26 октября 2002 года в главный зал театра через вентиляционные системы здания был пущен наркотический газ⁴. Когда под воздействием газа присутствующие в здании театра люди потеряли сознание, спецназ начал штурм. Террористы-смертники были застрелены в бессознательном состоянии, другие террористы пытались оказать сопротивление, но были убиты в ходе последовавшей перестрелки. Большинство заложников были освобождены, однако 125 человек погибли в результате острой дыхательной и сердечной недостаточности на месте событий либо чуть позднее в городских больницах.

Суть жалобы и процедура в Европейском Суде

В жалобах, поданных в Европейский Суд, заявители утверждали, что было нарушено их право на жизнь, предусмотренное положениями статьи 2 Конвенции, в связи с чрезмерным и непропорциональным применением силы и использованием газа в ходе операции по спасению заложников⁵. Заявители также жаловались на то, что планирование и осуществление операции не было проведено таким образом, чтобы снизить риск причинения смерти заложникам до минимального уровня, а также на отсутствие надлежащей медицинской помощи пострадавшим⁶. Они утверждали, что внимание властей было сконцентрировано на захвате как таковом, и это повлекло за собой недостаточное внимание к планированию операции по спасению заложников⁷.

Дело было рассмотрено 20 декабря 2011 года Палатой Европейского Суда (Секция I) в составе семи судей, которые единогласно признали обоснованным решение российских властей начать штурм и применить газ в ходе операции. Однако Суд счёл, что Российская Федерация нарушила материальные требования статьи 2 Конвенции, поскольку

ку последовавшая после штурма операция по спасению заложников была недостаточно тщательно подготовлена и была проведена ненадлежащим образом. Суд обратил особое внимание на то, что заложникам не была оказана адекватная медицинская помощь после применения неизвестного газа.

Аргументация Европейского Суда

Вопрос о приемлемости жалобы

Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы по существу, Европейскому Суду необходимо было решить вопрос о приемлемости жалобы. Статья 2 Конвенции применяется только в случае, если смерть наступила вследствие применения силы представителем государства при отсутствии разумных оснований для сомнения в обратном⁸. В настоящем деле камнем преткновения стал вопрос о том, являлось ли использование газа причиной смерти заложников. Иными словами, если бы газ был безвреден, и смерть заложников наступила по естественным причинам, жалоба являлась бы несовместимой с положениями Конвенции.

Заявители утверждали, что использование газа российскими спецслужбами следует квалифицировать как «применение силы, повлекшее летальный исход»⁹. Такое определение вызвало возражение со стороны государства, однако российские власти не предоставили Суду формулу газа, который применялся при освобождении заложников, сославшись на секретный характер этих данных¹⁰. При этом они неоднократно утверждали, что газ является безвредным, а также указывали на отсутствие прямой причинно-следственной связи между применением газа и гибелью заложников¹¹.

Европейский Суд заключил, что располагает достаточным фактическим материалом для того, чтобы сделать вывод о свойствах га-

⁴ Формула газа так и не была раскрыта, а все документы оперативного штаба были уничтожены. По предположениям, спецназ применил наркотический анальгетик фентанил или его производную. См.: Adams P. What was the gas? // BBC News. 28 October. 2002. URL: <http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2366913.stm> (дата обращения: 10.12.2012).

⁵ *Finogenov*. § 165, 167–168.

⁶ *Ibid.* § 175–179.

⁷ *Ibid.* § 180–185.

⁸ Harris D., O'Boyle M., Warbrick C. *Law of the European Convention on Human Rights* / 2d edition. Oxford: OUP, 2009. P.56–57.

⁹ *Finogenov*. § 198.

¹⁰ *Ibid.* § 200.

¹¹ *Ibid.* § 201.

за, по крайней мере, в целях рассмотрения жалобы заявителей¹². Суд счел, что общие заключения Бюро судебно-медицинской экспертизы московского Департамента здравоохранения противоречат здравому смыслу: «[Т]рудно себе представить, что 125 человек, принадлежащих к разным возрастным категориям и обладающих разными физическими характеристиками, скончались практически одновременно и в одном месте вследствие различных прежде существовавших проблем со здоровьем»¹³. Суд пришел к выводу о том, что газ (вне зависимости от его классификации) являлся основной причиной смерти большинства жертв. Газ был охарактеризован как «несмертоносное оружие, временно выводящее из строя»¹⁴, которое является не только опасным, но и фатальным для ослабленного человека, в связи с чем его применение может быть рассмотрено в контексте статьи 2 Конвенции.

Методология анализа, избранная Европейским Судом

Прежде чем перейти к оценке фактических обстоятельств дела, Европейский Суд решил два взаимосвязанных вопроса методологического характера: о степени свободы усмотрения, которая должна быть представлена государству в делах такой категории, и о применимом стандарте контроля, осуществляемом Судом.

Во-первых, он подчеркнул, что в случае применения властями силы, повлекшей смерть, практически невозможно разграничить позитивные и негативные обязательства государства-участника Конвенции. Следовательно, оценка операции по предотвращению угрозы жизни заложников должна быть произведена с учетом следующих факторов: (1) были ли действия спланированы таким образом, чтобы свести риск человеческих жертв к минимуму, (2) были ли приняты все возможные меры предосторожности при вы-

боре средств и методов по обеспечению безопасности¹⁵. При этом, приняв во внимание трудности, с которыми сталкиваются власти при защите населения от угрозы терроризма, Суд признал за государством довольно широкую свободу выбора военных и технических средств¹⁶.

Во-вторых, Суд отметил, что положения статьи 2 Конвенции требуют, чтобы использование силы было «абсолютно необходимым», и, следовательно, Суду следует применить наиболее взыскательный стандарт анализа фактических обстоятельств, однако указал, что для дел, аналогичных рассматриваемому, следует сделать исключение. Суд обратил внимание на то, что в условиях захвата заложников национальные власти, как правило, обладают различной степенью контроля над ситуацией: в частности, контроль российских властей над тем, что происходило в здании, был существенно ограничен¹⁷. Следовательно, действия российских властей на начальном этапе спасательной операции подлежат менее тщательному и требовательному контролю со стороны Европейского Суда. Тем не менее, дальнейшие стадии операции, которые всецело находились под контролем государственных властей должны быть подвергнуты более пристальному анализу¹⁸. Таким образом, Суд фактически сместил фокус с решения о правомерности применения силы на дальнейшую стадию эвакуации, что позволило ему обойти и проблему отсутствия достоверной информации о свойствах газа, и скользкую тему смешения стандартов гуманитарного права и прав человека в кризисной ситуации.

Правомерность решения относительно штурма театра и применения газа

Европейский Суд изначально отклонил предположения заявителей о том, что основная цель операции состояла в уничтожении террористов, а не спасении заложников. Напро-

¹² *Finogenov*. § 200.

¹³ *Ibid*. § 201. В январе-феврале 2003 года Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы, по запросу прокуратуры города Москвы, исследовало материалы дела, в частности, медицинские карты умерших и свидетельские показания, в которых описывался процесс эвакуации заложников. *Finogenov*. § 95–97.

¹⁴ «*Non-lethal incapacitating weapon*». *Ibid*. § 202.

¹⁵ *Ibid*. § 208.

¹⁶ *Ibid*. § 213.

¹⁷ *Ibid*. § 213.

¹⁸ *Ibid*. § 214.

тив, Суд презюмировал, что «защита любого лица от незаконного насилия» являлась основной законной целью государства, предусмотренной статьей 2 Конвенции. Тем не менее, оставался открытым вопрос о том, существовала ли возможность достичь этой цели с помощью менее пагубных и радикальных средств.

В данном случае, постановил Европейский Суд, существовала реальная и серьезная угроза со стороны террористов: власти были осведомлены о том, что (1) многие из захватчиков ранее участвовали в вооруженном сопротивлении российским войскам в Чечне, были хорошо подготовлены, вооружены и преданы своему делу; (2) в результате взрыва устройства, установленного в главном зале, все заложники могли быть убиты; (3) террористы были готовы взорвать эти устройства, если их требования не будут выполнены. Суд положительно оценил попытку проведения переговоров, однако признал, что природа требований захватчиков исключала возможность мирного разрешения конфликта¹⁹.

При решении вопроса о выборе соразмерных и оправданных средств при выполнении операции, Европейский Суд обратился к критериям пропорциональности и различия (*distinction*).

В данном случае использование газа российскими службами безопасности было направлено не на уничтожение, а на усыпление людей, находящихся в здании театра. При рассмотрении вопроса о том, было ли использование газа менее опасным для жизни заложников, нежели иные доступные варианты действий, Европейский Суд привёл в пример решение Федерального конституционного суда Германии, который признал недопустимой возможность ликвидации самолета, захваченного террористами²⁰, а также случаи использования авиатранспортабельных бомб российской авиацией при атаках на населённые пункты в Чечне²¹. Использо-

вание газа было, с точки зрения Суда, менее опасным, нежели вышеупомянутые альтернативы, поскольку исключало вероятность применения смертоносного оружия без различия между жертвами и террористами. При оценке соблюдения принципа пропорциональности, Суд отметил, что использование газа было оправданным, поскольку могло предотвратить или уменьшить вероятность взрыва²².

Таким образом, использование газа соответствовало принципам различия и пропорциональности, а также принципу «абсолютной» необходимости, что позволило Суду признать решение о применении силы обоснованным и не нарушающим требования статьи 2 Конвенции.

Оценка операции по спасению заложников: планирование и осуществление

Несмотря на то, что решение о штурме и использовании газа было признано обоснованным, Европейский Суд продолжил рассмотрение позитивных обязательств властей на последующих этапах операции. Вопрос состоял в том, были ли предприняты все необходимые меры, чтобы свести к минимуму последствия воздействия газа на заложников и оперативно эвакуировать их. В этих целях Суд разграничил оценку планирования и проведения эвакуации, а также оказания медицинской помощи.

Относительно планирования и осуществления операции Европейский Суд отметил, что спасательная операция не была спонтанной, власти контролировали ситуацию за пределами здания, где проводилась большая часть спасательных работ, и должны были опираться на общий план чрезвычайных мер. Оценивая этот план, Суд отметил значительные недостатки в отношении координации взаимодействия различных служб, участвующих в спасательной операции, и обмена ин-

¹⁹ *Finogenov*. § 219, 220.

²⁰ Конституционный суд суд ФРГ принял решение, отменяющее закон, разрешающий бундесверу сбивать гражданский самолет, попавший в руки террористов. Такие действия Вооруженных сил могут нарушить право на жизнь и человеческое достоинство пассажиров, которые не являются участниками теракта. Bundesverfassungsgericht, 1 BvR 357/05, 115 BVerfGE 118. URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/rs20060215_1bvr035705en.html (дата обращения: 07.12.2012). См. также: *Naske N., Nolte G.* Aerial Security Law. Case No. 1 BvR 357/05. 115 BVerfGE 118 // *American Journal of International Law*. 2007. Vol. 101. No. 2. P.446–71.

²¹ ECtHR. *Isayeva v Russia*. Application No. 57950/00. Judgment of 24 February 2005. Суд установил нарушение со стороны Российской Федерации обязательства защищать право на жизнь, поскольку во время проведения военной операции был нарушен баланс между поставленными целями и используемыми средствами.

²² *Ibid.* § 233–234.

формацией о пострадавших и их состоянии. Также не был ясен принцип, которым руководствовались медики при распределении пострадавших на группы для дальнейшего оказания помощи. На практике такое распределение либо отсутствовало, либо было бессмысленным. Несмотря на то, что план предусматривал массовую транспортировку пострадавших в автобусах, он умалчивал об оказании медицинской помощи, о ней во время транспортировки и о порядке распределения пострадавших между больницами.

Главным недостатком выполнения плана эвакуации и оказания медицинской помощи Европейский Суд признал отсутствие информации о газе, его свойствах и возможных способах устранения последствий его применения. Безусловно, на этапе принятия решения и проведения технической подготовки операции, силы безопасности уполномочены оценить риск утечки информации о ней. Тем не менее, причина, по которой медики и спасатели не были уведомлены о свойствах газа незадолго до (или, по крайней мере, сразу после) его применения, так и осталась неизвестной. Более того, неясными для Суда остались также основания, по которым эвакуация началась более чем через девяносто минут после того, как газ был рассеян. Еще одним важным изъяном осуществления операции, с точки зрения Суда, было отсутствие специального оборудования и медикаментов для оказания квалифицированной помощи пострадавшим на месте и при транспортировке²³.

Приняв во внимание указанные обстоятельства спасательной операции 26 октября 2002 года, Европейский Суд пришёл к выводу о том, что она была недостаточно тщательно спланирована, и установил, что российские власти действовали в нарушение позитивных обязательств, вытекающих из требований статьи 2 Конвенции.

Заключение

Значение постановления по делу *Финогенова* состоит в том, что Европейский Суд провел детальный анализ выполнения государ-

ством позитивных обязательств по статье 2 Конвенции в случаях использования силы с высоким риском значительных потерь среди гражданского населения. Несмотря на то, что дело об ответственности государства за последствия операции по спасению людей, находящихся в качестве заложников в руках террористов, не является характерным для Страсбургского суда, вынесенное решение представляет собой важный прецедент для аналогичных дел, принятых Судом к рассмотрению. Так, 10 апреля 2012 года Европейский Суд коммуницировал Российской Федерации семь жалоб лиц, пострадавших в результате захвата террористами заложников в школе в Беслане и последующей операции по их освобождению²⁴. В каждой из этих жалоб заявители утверждают, что государство нарушило свои позитивные обязательства по защите права на жизнь своих граждан.

При оценке правомерности применения силы Европейский Суд рассмотрел события штурма и операции по спасению заложников в их развитии, что позволило определить целесообразность действий в контексте реального времени. С этой целью был использован подход, прежде сформулированный в деле *МакКанн и другие против Соединенного Королевства*²⁵, который позволяет провести оценку этапа подготовки операции и ее непосредственного выполнения. В данном случае этот подход был значительно детализирован и позволил осуществить пошаговый анализ всей операции, которую Суд разделил на следующие этапы: принятие решения по использованию силы (и газа, в частности), планирование штурма, выполнение плана операции военными подразделениями, последующую эвакуацию потерпевших и завершающий этап проведения расследования теракта. Скорее всего, Суд использует данный подход и в деле *Тагаевой*²⁶, поскольку вопросы, поставленные перед властями Российской Федерации и заявителями, также касаются выбора средств и методов проведения операции, планирования штурма с целью максимального снижения угрозы жизни гражд-

²³ ECtHR. *Isayeva v Russia*. Application No. 57950/00. Judgment of 24 February 2005. § 259.

²⁴ Производство по делу присвоено наименование *Тагаева и другие против России и 6 других жалоб* (ECtHR. *Tagayeva and Others v. Russia and 6 other applications*. Application No. 26562/07).

²⁵ ECtHR. *McCann and Others v. The United Kingdom*. Application No. 18984/91. Judgment of 27 September 1995.

²⁶ ECtHR. *Tagayeva and Others v. Russia and 6 other applications*. Application No. 26562/07.

данских лиц, действий представителей государства относительно подготовки операции по спасению заложников (включая готовность медицинских, спасательных и пожарных бригад). Подход, предложенный Судом в комментируемом постановлении позволяет провести не только оценку выполнения государством обязательств на каждой отдельной стадии операции, но и более точно восстановить обстоятельства трагедии.

Хотя Европейский Суд особо подчеркнул различия между делом «*Исаева против России*»²⁷ и данным случаем, при оценке действий специальных сил безопасности был применен аналогичный методологический подход, заключающийся в использовании Судом различных, с точки зрения их тщательности и взыскательности, стандартов анализа разных аспектов операции по спасению заложников²⁸. Характерно, что Суд подчеркнул специфические технические аспекты проведения штурма²⁹, не проводя различия между стандартами защиты права на жизнь, применимыми в контексте вооруженного конфликта (как в *деле Исаевой*) и антитеррористической операции в мирное время (в данном случае). В своем решении Суд отступил от применимого в мирное время строгого стандарта защиты права на жизнь, ссылаясь на ограниченную возможность властей контролировать ситуацию, а также на дефицит времени.

Заявители жаловались, что применение оружия, повлекшее летальный исход (в настоящем деле — газ), было проведено без различия между террористами и заложниками³⁰. Суд ответил, что, несмотря на опасные свойства газа, сила не была применена «без различия», поскольку оставляла жертвам высокие шансы на выживание, зависящие от эффективности последующих усилий властей по спасению заложников. Таким образом, Суд признал необходимость соблюдения принципа различия между захватчиками и заложниками, аналогичному применяемому

в гуманитарном праве. Данный подход, на наш взгляд, свидетельствует о тенденции милитаризации стандартов защиты права на жизнь в случае проведения государством антитеррористических операций.

Операция по спасению заложников происходила в мирное время, и государство не сёт ответственность в отношении жизни как заложников, так и захватчиков. Европейский Суд указал, что в такой ситуации применяется стандарт «абсолютной необходимости», согласно которому использование силы должно быть строго пропорционально достижению преследуемой цели³¹, и который подпадает под наиболее взыскательный стандарт анализа, осуществляемого Судом³². В этой связи возникает вопрос о том, какой стандарт защиты права на жизнь должен применяться государством относительно террористов. Этот вопрос не был поставлен перед Судом заявителями, и потому на него нет прямого ответа в постановлении. Тем не менее, он представляет немалый теоретический и практический интерес в свете наметившейся тенденции взаимодействия права Конвенции и гуманитарного права.

Принцип «абсолютной необходимости» исключает правомерность убийства всех участников террористической группы, которые были нейтрализованы под действием газа и могли быть легко арестованы³³. Отсутствие задержанных не только представляется нелогичным с точки зрения служб безопасности (которым следовало получить от захватчиков подробную информацию о том, как возникла возможность проведения настолько масштабного захвата заложников в столице), но и свидетельствует о грубом нарушении права захватчиков на жизнь. Европейский Суд, впрочем, подтвердил уместность применения принципа различия. Этот принцип позволяет исключить захватчиков из оценки сопутствующего ущерба операции в соответствии с принципом пропорциональности, поскольку

²⁷ ECtHR. *Isayeva v Russia*. Application No. 57950/00. Judgment of 24 February 2005.

²⁸ *Finogenov*. § 216.

²⁹ Различие между фактическими обстоятельствами указанных двух дел состояло в том, что в *деле Финогенова* захват был неожиданным для властей, заложники были в более уязвимом состоянии, и средством использованным государством по предотвращению угрозы был газ, а не бомбардировка, как в *деле Исаевой*.

³⁰ *Finogenov*. § 231.

³¹ *Ibid.* § 210. См. также: *McCann*. § 148–149; ECtHR. *Gül v. Turkey*. Application No. 22676/93. Judgment of 14 December 2000. § 77, 78.

³² Европейский Суд, как было указано выше, может в известной степени отступить от этого стандарта, что и продемонстрировал пошаговый анализ операции.

³³ См.: *Melzer N. Targeted Killing in International Law*. Oxford: OUP, 2008. P. 398.

сами захватчики представляют собой военную цель³⁴. Вследствие применения принципа различия, убийство всех членов террористической группы не влекло бы за собой ответственности государства. Следовательно, принцип «абсолютной необходимости» вступает в противоречие со стандартами различия и пропорциональности, позаимствованными из области гуманитарного права. Представляется, что данное противоречие между применимыми принципами привело к тому, что Европейский Суд отступил от строгих требований защиты прав человека.

Данный подход является неоднозначным и порождает ряд сложностей, касающихся позитивных обязательств государства по отношению не только к заложникам, но и к захватчикам. Вопрос о природе таких обязательств будет вскоре рассмотрен Межамериканским Судом по правам человека в деле о захвате посольства Японии в Перу³⁵. Захват состоялся 17 декабря 1996 года в Лиме, а 3 февраля 2003 года жалоба от лица родственников захватчиков была подана в Межамериканскую Комиссию по правам человека (далее — Комиссия). Заявители утверждали, что власти Перу нарушили право на жизнь 14 членов революционного движения, проведя над ними самовольную расправу во время штурма. В своем докладе по существу Комиссия пришла к выводу, что власти Перу несут

ответственность за нарушение права на жизнь трех захватчиков. В частности, Комиссия процитировала постановление Европейского Суда по делу «Исаева, Юсупова и Базаяева против России»³⁶, утверждая, что использование силы с летальным исходом оправдано только в случае «абсолютной необходимости», при условии, что такое применение силы пропорционально преследуемой цели³⁷. Поскольку захватчики были задержаны и не представляли опасности для заложников или сотрудников полиции, причинение им смерти на месте происшествия было квалифицировано как самовольная расправа³⁸.

Дело *Финогенова* демонстрирует дальнейшее развитие и взаимодействие отрасли прав человека и гуманитарного права, которое позволяет применять более гибкие нормативные стандарты, соответствующие реалиям проведения специальных операций. Часто большие потери среди мирного населения приводят к обвинениям в военных преступлениях и требуют уголовного преследования. Подход Европейского Суда к оценке стандартов защиты права на жизнь применим к требованиям современной войны в густонаселенных районах, где военное командование часто вынуждено принимать трудные решения относительно безопасности своих войск, защиты гражданских лиц и нападения на противника.

³⁴ Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / Ed. by Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann. Geneva: ICRC; Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. 2207; См. также: *Melzer N.* Op. cit. P. 300.

³⁵ Inter-American Commission of Human Rights (далее — IACHR). *Eduardo Nicolás Cruz Sánchez et al. v. Peru*. Petition 136/03. Admissibility Report No. 13/04 of 27 February 2004.

³⁶ ECtHR. *Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia*. Applications Nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00. Judgment of 24 February 2005. § 169.

³⁷ IACHR. *Eduardo Nicolás Cruz Sánchez et al. v. Peru*. Case 12.444. Report on Merits No. 66/10. 31 March 2011. § 143.

³⁸ 13 декабря 2011 года Комиссия передала дело на рассмотрение в Межамериканский Суд по правам человека, поскольку сочла, что государство не выполнило рекомендации, содержащиеся в докладе.